

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.99

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-3-50-66>

Суицидальное поведение и групповая принадлежность личности: подходы и направления исследований

Филипп Р. Филатов

Донской государственный технический университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

✉ filatov_filipp@mail.ru

Аннотация

Введение. Как следует из ряда научных работ, в разных странах, стратах общества и слоях населения в широком диапазоне варьируются не только показатели самоубийств, но также их мотивы и способы осуществления. В последние десятилетия исследования этой проблематики приобрели междисциплинарный и кросс-культурный характер. Суицидальное поведение все чаще рассматривается в контексте принадлежности суицидента к определенной социальной группе или культурному сообществу.

Цель. Анализ влияния принадлежности индивидуума к большой социальной группе или культурному сообществу на суицидальное поведение.

Основные направления исследования суицидального поведения. В обширном массиве теоретических и исследовательских работ могут быть выделены следующие направления изучения суицида: экзистенциальное, клиническое, социально-демографическое, кросс-культурное и социально-психологическое. Начиная с социологического этюда Э. Дюркгейма «Самоубийство», групповая принадлежность личности рассматривается в качестве ведущего фактора суицидального поведения. Однако социологический подход представляется ограниченным, так как его сторонники уделяют чрезмерное внимание демографическим переменным, а не психологическому значению самоубийства и ценностям индивида, склонного к суицидальному поведению. Преодолеть эти ограничения отчасти позволяет предложенная А. Адлером социально-психологическая концепция суицида, в рамках которой учитываются не только демографические показатели, но и то, как суициденты воспринимают, оценивают и переживают собственную групповую принадлежность и ценности своей социальной группы. Предикторами суицида, по А. Адлеру, выступают чувство общности (сопричастности) и социальные интересы личности.

Чувство общности и групповой принадлежности как фактор суицидального поведения. Сопоставление исследований, проведенных в трех странах (России/СССР, Японии и США), позволяет выделить два социально-психологических фактора суицидального поведения: 1) негативное отношение к собственной групповой или культурной идентичности; 2) гипертрофия чувства общности и принадлежности, приводящая к снижению ценности собственной личности и индивидуальной жизни.

Обсуждение результатов. Как показывают современные кросс-культурные исследования, суицидальное поведение может наблюдаться и при дефиците чувства общности и групповой принадлежности, и при высоком уровне развития этого чувства. Это обуславливается, с одной стороны, отношением суицидента к своей социальной группе и культурной идентичности, а с другой, – исторически сложившимся отношением общества к самоубийству.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, групповая принадлежность личности, чувство общности, социальный интерес

Для цитирования. Филатов, Ф. Р. (2024). Суицидальное поведение и групповая принадлежность личности: подходы и направления исследований. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*, 7(3), 50–66. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-3-50-66>

Suicidal Behavior and Personality Group Affiliation: Approaches and Research Directions

Filipp R. Filatov

Don State Technical University, 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ filatov_filipp@mail.ru

Abstract

Introduction. As it follows from a number of scientific works, not only suicide rates, but also their motives and ways of committing suicide vary widely in different countries, strata of society and strata of the population. In recent decades, research on this issue has become interdisciplinary and cross-cultural. Suicidal behavior is increasingly considered in the context of the suicidal person's belonging to a certain social group or cultural community.

Objective. To analyze the impact of an individual's membership in a large social group or cultural community on suicidal behavior.

The main directions of suicidal behavior research. In the vast array of theoretical and research works the following directions of suicidal behavior study can be distinguished: existential, clinical, socio-demographic, socio-cultural and socio-psychological. Starting from E. Durkheim's sociological etude "Suicide", the group affiliation of an individual is considered as a leading factor of suicidal behavior. However, the sociological approach appears limited because its proponents place excessive emphasis on demographic variables rather than on the psychological significance of suicide and the values of the individual prone to suicidal behavior. A. Adler's socio-psychological conceptualization of suicide is partly responsible for overcoming these limitations. Adler's socio-psychological concept of suicide, which takes into account not only demographic indicators, but also how suicides perceive, evaluate and experience their own group affiliation and the values of their social group. According to A. Adler, the predictors of suicide are a sense of community (belonging) and social interests of the individual.

Sense of community and group belonging as a factor of suicidal behavior. Comparison of studies conducted in three countries (Russia / USSR, Japan and the USA) allows us to identify two socio-psychological factors of suicidal behavior: 1) negative attitude to one's own group or cultural identity; 2) hypertrophy of the sense of community and belonging, leading to a decrease in the value of one's own personality and individual life.

Discussion. As modern cross-cultural studies show, suicidal behavior can be observed both at the deficit of the sense of community and group belonging and at the high level of development of this sense. This is conditioned, on the one hand, by the attitude of a suicide victim to his/her social group and cultural identity, and, on the other hand, by the historically formed attitude of society to suicide.

Keywords: suicide, suicidal behavior, group affiliation of personality, sense of community, social interest

For citation. Filatov, F. R. (2024). Suicidal behavior and personality group affiliation: approaches and research directions. *Innovative science: psychology, pedagogy, defectology*, 7(3), 50–66. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-3-50-66>

Введение

Проблематика суицида и, шире, суицидального поведения в последние десятилетия стала предметом комплексных междисциплинарных и кросс-культурных исследований (Bluvshtein & Filatov, 2019; Stack & Krosowa, 2016). Многообразие факторов, провоцирующих суицид и обуславливающих способы его осуществления, требует консолидации ученых разных научных школ и направлений: культурологов, социологов, социальных и клинических психологов, психиатров и психотерапевтов. Ставшее аксиоматичным утверждение, что показатели и способы самоубийств существенно варьируются в зависимости от конкретной страны и ее социокультурного контекста (Любов и Зотов, 2017; Lester, 2012), все чаще служит обоснованием кросс-культурного анализа данных, полученных в разных уголках мира.

Согласно Всемирной организации здравоохранения, самоубийство является одной из трех основных причин смертности людей обоих полов, независимо от национальности, в возрасте от 15 до 29 лет. На суицид приходится 50 % случаев насильственной смерти среди мужчин и 71 % случаев среди женщин (World Health Organization (2014). Preventing Suicide: A global imperative. Executive summary. <https://www.who.int/publications/i/item/9789241564779>). Анализ данных, характеризующих динамику суицидальной активности в разных странах, выявляет две тенденции, которые можно признать универсальными. Во-первых, частота самоубийств достигает пиковых показателей в те исторические периоды, которые представляются исследователям в наибольшей степени суицидогенными (Богданов, 2010; Науменко, 2021; Сороцкий, 2019); во-вторых, рост этих показателей наблюдается в тех группах населения, которые, по мнению ученых, характеризуются повышенной склонностью к суициду, например, среди коренных народов (Дуткин, 2011; Науменко, 2021; Семенова, 2017) и этнических меньшинств (Atilola & Ayinde, 2015; Worum, 2014; Rockett, 2010), в религиозных (Розанов, 2018) и профессиональных (Jobes, 2013) сообществах или в студенческой среде (Хритинин, 2014; Saito, 2013; Wang, 2013). Все большую актуальность в комплексных

суицидологических исследованиях приобретает проблема повышенной уязвимости определенных групп населения (с высоким суицидальным риском) в определенные суицидогенные периоды. В связи с этим правомерно возникают два вопроса научно-практического характера: 1) о критериях оценки прогностических возможностей таких исследований; 2) о разработке многофакторных объяснительных моделей, позволяющих перейти от простой регистрации факторов риска суицида к его психопрофилактике, а также к психотерапевтической помощи суицидентам и их близким (Beck, 2010; Bluvshstein & Filatov, 2019; Wittouck, 2014).

Лица, склонные к самоубийству, могут рассматриваться как представители различных социальных групп, что задает рамки исследования причин и особенностей их суицидального поведения. Наряду с сугубо личностными мотивами и наследственной предрасположенностью на первый план постепенно выходит фактор принадлежности к социальной группе или, шире, к некоторой культурной общности (Любов и Чубина, 2016; Семенова, 2017; Stack & Krosowa, 2016). Социализация личности, ее приобщение к культуре и формирование идентичности всегда происходят внутри определенных сообществ, к числу которых относятся этнические группы, религиозные конфессии, политические и профессиональные объединения и т. д. В этих сообществах их представители оказываются подвержены суицидальному риску в силу особых социокультурных и социально-психологических факторов, требующих всестороннего изучения. Различия в уровне суицидального риска наблюдаются в те или иные исторические периоды и в так называемых «условных больших группах», выделяемых, согласно социологическому принципу, по определенным демографическим показателям (пол, возраст, социально-экономический статус и т. д.). В этой статье, на материале исследований, проведенных в разных странах, мы рассмотрим принадлежность индивидуума к большой социальной группе или культурному сообществу как один из факторов суицидального поведения. Мы попытаемся проанализировать действие этого фактора на уровне базовых ценностей, социальных чувств и переживаний потенциальных суицидентов.

Основные направления исследования суицидального поведения

Феномен самоубийства может быть осмыслен с различных концептуальных, исследовательских и мировоззренческих позиций. При самом общем взгляде это фундаментальная антропологическая и экзистенциальная проблема, сопровождающая человечество на всех этапах его культурно-исторического развития и особенно актуальная в периоды социокультурных, экономических и социально-политических кризисов. Осмысление этой проблемы не прекращается с древних времен. Тема добровольного ухода из жизни и привлекательности смерти как способа прекращения земных страданий звучит уже в древнеегипетском папирусе «Беседа разочарованного со своим Ба» (или, в другом менее точном переводе, «Спор разочарованного со своей душой»), который построен как внутренний поэтический диалог человека, переживающего глубокий жизненный кризис (Акимов, 2010). «Мне смерть представляется ныне лотоса благоуханьем», – сетует автор-аноним (Акимов, 2010, с. 109). На протяжении многих веков складывалась традиция экзистенциального понимания самоубийства, т. е. выявления тех аспектов человеческого существования, которые предрасполагают субъекта к суицидальному поведению. В философии отказ от жизни как одна из возможностей самоопределения человека обсуждается, начиная с платоновской «Апологии Сократа» (Платон, 2023), в которой осужденный мудрец говорит ученикам о своей спокойной готовности принять цикуту и уйти в мир иной, где его ждет более справедливый суд. Отношение к самоубийству остается двойственным на протяжении многих веков и колеблется между отрицанием и осуждением, с одной стороны, и рациональным обоснованием, с другой. Одни мыслители усматривали в этом акте саморазрушения бунт против мировой гармонии (пифагорейцы), малодушие и преступление против государства (Аристотель), «оскорбление человечества» (И. Кант), другие – волевое решение, прерывающее бессмысленные мучения (Эпикур, стоики, М. Монтень, Д. Юм) (Любов и Зотов, 2017, с. 16–17). Согласно А. Шопенгауэру, суицид – это результат последовательного отрицания воли к жизни, которое закономерно завершается самоотрицанием (Шелехов и Каштанова, 2011).

Проблема суицида становится ключевой в экзистенциализме, наряду с проблемами свободы воли, выбора и смысла жизни. Так основатель этого направления, Серен Кьеркегор, писал, что «самоубийство – отрицательная форма бесконечной свободы. Счастлив тот, кто найдёт положительную» (Кьеркегор, 2022). Согласно французскому экзистенциалисту А. Камю, «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» (Камю, 2011), а Ж.-П. Сартр утверждал даже, что «отличие человека от животного состоит в том, что человек может покончить жизнь самоубийством» (Гишинский, 2021, с. 42). Последний тезис представляется спорным, так как примеры суицидального поведения обнаруживаются и в животном мире.

Практически одновременно с попыткой экзистенциального осмысления феномена самоубийства, предпринятой в философии С. Кьеркегора, к середине XIX в. начинает складываться клинический подход, согласно которому склонность человека к саморазрушению следует рассматривать как одну из патологических тенденций развития или форм умопомешательства (Любов и Зотов, 2022; Меринов и Шишкова, 2024; Хритинин и Самохин, 2015). Эта точка зрения восходит к трудам родоначальника французской психиатрии Жана-Этьена Эскироля и была впервые сформулирована в 1838 г. (Бачериков, 1989, с. 458). Она предполагает последовательный поиск эмпирических

доказательств роли наследственности в формировании предрасположенности к суицидальному поведению и изучение факторов наследственной отягощенности потенциальных суицидентов (Аграновский и др., 2020).

Суицидология оформляется в самостоятельную науку к началу XX в. Важной вехой в становлении этой междисциплинарной области исследований стал 1897 г., когда Э. Дюркгейм опубликовал социологический этюд «Самоубийство» (Дюркгейм, 2024), в котором были приведены результаты сравнительного анализа статистики суицидов в католических и протестантских сообществах. Ученый полагал, что среди католиков суицидальные показатели ниже, так как в их сообществах, по сравнению с протестантами, наблюдается более высокий уровень интеграции и социального контроля. Так групповая принадлежность суицидентов впервые оказалась в фокусе исследовательского внимания. Кроме того, в этой эпохальной работе Э. Дюркгейм предложил классификацию типов суицидального поведения (Дюркгейм, 2024), к которой впоследствии неоднократно обращались ученые разных стран, причем одни признавали ее образцовой, а другие подвергали критике и ревизии.

Согласно Дюркгейму, существуют четыре базовых разновидности суицида: эгоистическая, альтруистическая, аномическая и фаталистическая. При эгоистическом типе суицида наблюдается противоречие и разрыв между завышенными ожиданиями, желаниями, потребностями индивидуума и его ограниченными возможностями. Кроме того, имеет место заметное ослабление межличностных и семейных связей суицидента и верховенство эгоистической морали (Дюркгейм, 2024). Так наз. альтруистический суицид объясняется тем, что недостаточно развитая индивидуальность, без остатка поглощенная общественностью, встает на путь самоуничтожения (аутодеструкции), причем способ осуществления суицида предопределен закрепленными в конкретной группе ритуалами, верованиями и разделяемыми представлениями. Так в целом ряде архаических племен существовала традиция, согласно которой, после смерти вождя племени все его подданные должны были покончить с собой. Этот суровый обычай в ряде мест распространялся также на престарелых или больных людей и вдов, совершавших суицид после кончины мужа. Другой широко распространенный пример – жертвенное самоубийство воина, которое издавна считается высшей доблестью (Дюркгейм, 2024). Противоположный вариант суицидального поведения получил название «аномического суицида». Термин «аномия» означает нарушение некоторой устоявшейся социальной нормы. Соответствующая форма аутодеструктивного поведения наблюдается в ситуациях культурного, политического или экономического кризиса, когда оказываются нарушены нормы социального взаимодействия, происходит девальвация базисных ценностей коллективной жизни, разрыв системообразующих связей и общественных отношений. В свою очередь, фаталистический суицид объясняется чрезмерной социальной регламентацией жизни, противостоять которой другими, менее разрушительными, способами личность оказывается неспособна (Дюркгейм, 2024). Дюркгейм также приходит к заключению, что у каждой национальной или этнической группы есть свой предпочитаемый способ совершения самоубийства. В свете этой концепции, главными факторами, влияющими на суицидальное поведение и склонность к нему, являются степень интеграции социальной группы и степень интегрированности в эту группу конкретной личности (Дюркгейм, 2024). Дюркгейм подверг последовательной критике попытку объяснить суицидальное поведение исключительно с клинических позиций. Предложенный им социологический подход характеризуется недооценкой наследственных, психопатологических и индивидуально-личностных аспектов феномена самоубийства.

Вероятно, одна из первых попыток исследовать феномен суицида на российском материале была предпринята психиатром В. М. Бехтеревым, который в 1912 г. опубликовал в Санкт-Петербурге статью «О причинах самоубийств и возможной борьбе с ними» (Бехтерев, 1912a). Бехтерев выделил ряд факторов роста суицидальных тенденций, в частности, резкое ухудшение привычных условий жизни, миграцию из сельских районов в города, наследственную отягощенность, наличие психических заболеваний, алкоголизм, утрату близких. Выдающийся российский ученый отметил и социально-психологические предпосылки суицида, непосредственно связанные с чувством общности и групповой принадлежности, которое переживается индивидуумом в его семейной системе и в социуме. К этим предпосылкам были отнесены острые противоречия во взглядах и потребностях между супругами или представителями старших и младших поколений в одной семье, а также разочарование в обществе, утрата социальных идеалов (Бехтерев, 1912b).

На протяжении XX в., наряду с экзистенциальным и клиническим подходами постепенно складываются три самостоятельные направления исследований суицидального поведения: 1) социально-демографическое; 2) кросс-культурное и 3) социально-психологическое. Первоначально суицид рассматривался преимущественно как явление западноевропейской культуры или как проблема, которая, в первую очередь, затрагивает подростков, одиноких пожилых людей и лиц, переживающих утрату (вдов и вдовцов). В зону риска чаще включались представители протестантского вероисповедания (как полагал Дюркгейм, это связано с преобладанием «эгоистической морали» и индивидуализма) (Дюркгейм, 2024, с. 133–135), а также те, кто испытывает экономические трудности. Однако со временем суицидальное поведение стало оцениваться как катастрофическая тенденция, связанная с фундаментальными проблемами психического здоровья и благополучия личности, существующими относительно независимо от социально-демографических (класс, раса, пол, возраст, вероисповедание) и геополитических факторов (Bluvshstein & Filatov, 2019; Flakerud, 2014; Goldston, 2008).

Начиная с середины XX в. противоречия между направлениями и подходами постепенно сглаживаются и предпринимаются попытки комплексных системных исследований феномена самоубийства (Кузина, 2015; Положий, 2010; Руженков и Руженкова, 2012) с учетом сложной взаимосвязи демографических факторов и разнообразных факторов культуры, психического здоровья тех, кто пытается совершить или совершает самоубийство, состояния системы здравоохранения в стране и, прежде всего, системы охраны психического здоровья, а также таких ситуативных факторов, как частные экономические проблемы, общее падение благосостояния, политическая нестабильность (Bluvshstein & Filatov, 2019).

В современных клинических исследованиях самоубийств в разных странах социально-демографические переменные, возраст (Jukkala, 2017), раса, этническая принадлежность (Rockett, 2010), религиозная принадлежность, социально-экономический статус (Букин, 2019), пол или статус сексуального меньшинства (Sanetto, 2010; Silva, 2015) указываются в числе общих факторов, тогда как группу более специфических детерминант составляют эндогенные, экзогенные и психогенные заболевания (Хритинин, Самохин, 2015), алкоголизм и другие аддикции (Adler, 2015; Barlow, 2010), экстремальные ситуации и жизненные кризисы (Николаев, 2015), травматические обстоятельства и длительные стрессовые воздействия, посттравматические стрессовые расстройства (Розанов и Караваева, 2023).

Конец XX в. и первые десятилетия XXI в. были отмечены не только увеличением общего числа самоубийств в разных странах, но и появлением новых специфических демографических групп в списке суицидального риска. В эти группы входят военнослужащие, ветераны международных военных конфликтов (Jobes, 2013), студенты вузов (Самохин и Хритинин, 2015; Хритинин и Бунькова, 2014; Saito, 2013), представители сексуальных меньшинств (Silva, 2015), беженцы и иммигранты первого поколения (Аккава-Калауси, 2015). Разнообразие и этническая неоднородность групп с высоким риском самоубийства резко возросли. В США, например, к мужчинам европейского происхождения пожилого возраста, не имеющим выраженных религиозных убеждений, подросткам индейского происхождения и мужчинам-азиатам среднего возраста «присоединились» мужчины европейского происхождения среднего возраста (Barlow, 2010; Borum, 2014; Chiurliza, 2016). В Японии самоубийство остается национальной проблемой, особенно среди мужчин-профессионалов, у которых риск самоубийства достигает пика в периоды карьерного спада и финансовой нестабильности (Beam, 2007; Kitana, 2008). Уровень самоубийств в России и в бывшем Советском Союзе несколько раз резко повышался и оставался высоким во времена социальной, экономической и политической нестабильности в конце XX и начале XXI вв. (Jukkala, 2017). В России дети и подростки, особенно те, кто проживает в отдаленных регионах, вдали от крупных промышленных центров в последнее десятилетие пополнили список лиц с высоким риском совершения самоубийства (Slobodskaya & Semenova, 2016). Отдельная зона риска – интернет-сообщества подростков, в которых преднамеренно культивируются идеи суицида, выступающие значимым компонентом групповой идеологии (Бимбинов, 2023). Далее мы обратимся к проведенным в этих трех странах исследованиям связи суицидального поведения с групповой и культурной принадлежностью суицидентов.

Как отмечает американская исследовательница М. Блувштейн (с соавт.), современные эпидемиологические, социологические и клинические исследования самоубийств проливают свет на эту деструктивную сторону человеческой природы, при этом продолжая фокусироваться на определенных этнических или культурных группах. Такой подход становится все более сложно применимым в связи с растущим разнообразием групп суицидального риска, глобализацией и разными принципами классификации и изучения суицида в разных странах (Bluvshstein & Filatov, 2019). Хотя статистические данные о самоубийстве стали богаче, глубже и надежнее, предлагаемые клинические подходы к предотвращению суицида остаются фрагментарными и часто не учитывают сложности человеческой личности, а также такой универсальной тенденции, как стремление человека обрести чувство принадлежности и единства с другими людьми и обществом. Помимо известных ограничений любых статистических данных, существенным недостатком современных исследований суицидального поведения является их чрезмерное внимание к демографическим переменным, а не к психологическому значению самоубийства или ценностям индивида как предикторам социальных и индивидуальных отношений к самоубийству и терпимости к нему (Stack & Grosowa, 2016).

В связи с этим приобретает особую актуальность социально-психологический подход, при котором суициденты подразделяются на категории, не только согласно социологическому или демографическому принципу, но и исходя из того, как они сами воспринимают, оценивают и переживают собственную групповую принадлежность и ценности своей социальной группы. В качестве параметров исследования и описания могут использоваться такие личностные конструкты, как чувство общности, сопричастность и социальные интересы, по А. Адлеру (Adler, 1921; Ansbacher & Ansbacher, 1964), потребность в укоренении, по Э. Фромму, групповая идентичность, по Э. Эриксону (Латкина, 2019; Эриксон, 2006). У истоков этого подхода стоял австрийский психолог и психиатр Альфред Адлер. Хайнц Ансбахер отмечал, что А. Адлер был первым, кто занялся проблемой самоубийства с точки зрения социальной психиатрии (Ansbacher, 1969). Это подразумевает изучение социально-фона суицидальных случаев, а также рассмотрение сообщества индивида (включая первичное сообщество,

т. е. его первоначальную семью) в качестве «активного игрока в развитии суицидальных тенденций» (Ansbacher, 1969). Согласно адлеровской концепции, сообщество выступает активным участником как драмы самоубийства (хотя и, как правило, без осознания всеми вовлеченными лицами их ролей), так и в деле исцеления суицидента.

Первым значительным вкладом А. Адлера стала его работа «О самоубийстве с особым акцентом на самоубийствах среди молодых студентов», которая была представлена в рамках симпозиума, посвященного проблематике суицида и организованного Венским психоаналитическим обществом в 1910 г. (Friedman, 1967). Позднее ученый несколько раз обращался к этой теме – во время экономической депрессии и социального пессимизма в Австрии, последовавших за Первой мировой войной, и во время Великой депрессии, предшествовавшей росту нацистского влияния в Европе и Второй мировой войне. Адлер утверждал, что самоубийство становится решением для человека, «который перед лицом насущной проблемы пришел к закату своего ограниченного чувства сопричастности» (Ansbacher & Ansbacher, 1964, с. 323) и порвал «последнюю нить, связывающую его с человечеством». Адлер включил самоубийство в список «неудач, которые настигают людей, утративших социальный интерес» (Ansbacher & Ansbacher, 1964, с. 323). Это бегство от чувства сопричастности и социального интереса является следствием так наз. парадоксальной коммуникации (Ansbacher, 1969; Johnson-Migalski, 2011) с собственным сообществом. Парадокс суицидального диалога с миром состоит в том, что самоубийца стремится утвердить свою ценность и значимость не конструктивным вкладом в жизнь сообщества, но разрушая самого себя и причиняя боль и ущерб другим. Соответственно, укрепление социальных связей и интересов личности, развитие здорового чувства общности со своей социальной группой и есть основной путь предотвращения (профилактики) и психокоррекции суицидального поведения. Суицид есть не что иное, как результат дефицита или деформации, вырождения или умерщвления в человеке исконного социального чувства.

Как следует из приведенных ниже данных, описанное А. Адлером социальное чувство может в определенные исторические периоды и в определенных группах трансформироваться и искажаться под влиянием коллективных верований, ритуалов, стереотипов или, напротив, вследствие аномий – нарушений ценностно-нормативного порядка. Как это ни парадоксально, чувство общности и групповой принадлежности в ряде случаев (которые мы рассмотрим) оказывается предпосылкой суицидального поведения, и, чем в большей степени оно выражено, тем выше риск совершения самоубийства представителем конкретной социальной группы или культурного сообщества.

Чувство общности и групповой принадлежности как фактор суицидального поведения

Далее мы проанализируем данные социокультурных исследований суицидального поведения, проведенных в трех странах – России (СССР), Японии и США. Эти данные обсуждались и сопоставлялись в рамках международного образовательного и исследовательского проекта по проблемам превенции суицида в свете индивидуальной психологии А. Адлера. Проект был организован американской исследовательницей и психотерапевтом, вице-президентом Международной Ассоциации Индивидуальной Психологии (IAIP) доктором философии М. Блувштейн (США), руководившей этой интернациональной дискуссией и обобщившей ее результаты. Вместе с автором статьи в проекте участвовали коллеги из указанных стран: президент Японской ассоциации индивидуальной психологии, психотерапевт клиники Чимура Макото Каджино и кризисный консультант Антуан Д. Джексон (США). Общая задача заключалась в том, чтобы прояснить, как культурно-обусловленные вариации и искажения описанного А. Адлером чувства общности (сопричастности) и групповой принадлежности предрасполагают личность к суицидальному поведению (Bluvshstein & Filatov, 2019).

Суицидологические исследования, проводившиеся в досоветской России и СССР в так называемые суицидогенные периоды и в определенных социальных группах, наглядно показывают, сколь существенную роль в динамике суицидальной активности российских и советских граждан играли ценностно-идеологические факторы и, не в последнюю очередь, различные формы коллективизма, предполагавшие искаженное или гипертрофированное чувство общности и групповой принадлежности. Так, в течение всего XIX в. и в начале XX в. наблюдались многочисленные случаи членовредительства и суицидов (совершаемых не отдельными лицами, а целыми семьями) на основе религиозных убеждений. Эти случаи, пугающие своей иррациональной деструктивностью, были отмечены в основном среди русских раскольников в отдаленных поселениях. В этих случаях самосожжение и самозахоронение заживо часто рассматривались как мученические пути искупления греха и даже как способ избежать всеобщей переписи населения, которая воспринималась в качестве реальной угрозы религиозной идентичности российских старообрядцев (такая аутодеструктивная реакция на перепись может быть интерпретирована как сопротивление ассимиляции и насильственному включению в чуждую социальную общность). «Групповые самоубийства связаны со старообрядцами: сжигаемы и сжигали себя с конца XVII и, спорадически, до середины XX века. Среди беспоповцев отмечены и самопогребения, самозаклания, «запощивание» (от голода) и самоутопление. Смерть раскольников и “еретиков” вряд ли вызывала сочувствие у большинства православных, но привлекала внимание психиатров нового времени» (Любов и Зотов, 2017, с. 19). Опираясь на материалы шокирующих самоубийств представителей старообрядческих общин, выдающийся философ Василий Розанов в 1910 г. опубликовал полемический сборник статей «В темных религиозных лучах» (Розанов, 2018), который из-за своего провокационного содержания был запрещен, а его тираж полностью уничтожен. Розанов писал о деструктив-

ности искаженных религиозных представлений, разделяемых старообрядцами, иными словами, по его мнению, именно эти представления и установки (призванные, добавим мы, консолидировать верующих и поддерживать в них чувство общности и групповой принадлежности), на деле выступили социокультурными факторами суицидального поведения по принципу «умереть вместе, чтобы спастись вместе!». Показательно, что общественное мнение в России, начиная с 1870-х гг., игнорируя эту обратную теневую сторону религиозного фанатизма, связывало рост самоубийств с распространением атеизма в широких кругах общества (Любов и Зотов, 2017, с. 19).

В досоветской Российской Империи, в Советском Союзе и в постсоветской России саморазрушительное поведение достигало своего пика во времена культурных, политических и экономических кризисов, ознаменованных разрывом социальных связей и ставивших под угрозу основные ценности коллективной жизни. Примечательные скачки наблюдались и в периоды между острыми кризисными фазами. Так, показателен рост самоубийств среди советских коммунистов в период НЭПа (Тяжелыникова, 1998), что, вероятно, объясняется идеологическими сдвигами и чувством идейно-ценностной дезориентации, которую переживали участники недавней Гражданской войны, органично обретавшие свое призвание в ее кровавых реалиях. Об этой дезориентации и ее тяжелых психоэмоциональных последствиях написана замечательная повесть А. Н. Толстого «Гадюка», героиня которой, правда, совершает не суицид, но убийство в состоянии аффекта. О самоубийствах комсомольцев и коммунистов, возмущенных НЭПом как «изменой революционным идеалам», в 1920-е гг. сообщали советские газеты, объясняя их «нетипичной слабостью советского человека» (Любов и Зотов, 2017; Могильнер, 1999).

Еще раз подчеркнем, что, наряду с возрастом, полом, историческим периодом и эффектом когорты (общности людей одного поколения) (Букин, 2019; Dvoryanchikov, 2014; Jukkala, 2017), при исследовании специфики самоубийств в России и Советском Союзе необходимо учитывать ценностно-идеологические факторы, т. е. влияние идеологии и системы коллективных ценностей, разделяемых в больших социальных группах. По этому критерию можно выделить два типа самоубийства, которые, вероятно, являются культурно специфичными для Советской России. Оба типа описаны в уже упомянутом социологическом этюде Э. Дюркгейма «Самоубийство» (Дюркгейм, 2024).

Самоубийство первого («альтруистического», по Э. Дюркгейму) типа в Советском Союзе нередко расценивалось как героическая гибель, подвиг. Сознательный героический отказ от жизни или самопожертвование во имя общественных идеалов стали в СССР особой культурной ценностью (в противоположность ценностям индивидуализма). В период Второй мировой войны солдаты, сознательно обрекавшие себя на смерть, часто мученическую, делались образцами для подражания и увековечивались пропагандой. Они, даже имея возможность катапультироваться, направляли горящий самолет на колонну врага или сгорали заживо в окруженном доме, не желая сдаваться и демонстрируя преданность родине, которая представлялась им более высокой ценностью, чем собственная жизнь (Любов, Зотов, 2017, с. 26). В подобных случаях существенную роль играло и отношение общества к героическим формам суицидального поведения, которые не только не осуждались, но, напротив, всячески поощрялись, романтизировались и даже провоцировались (о факторе общественного мнения еще пойдет речь, когда мы обратимся к данным японских исследований). Самоубийство во избежание плена фактически было одобрено, если не предписано, приказом № 227 Народного комиссара обороны СССР от 28 июля 1942 г. «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» («Ни шагу назад!»). В СМИ регулярно распространялись сообщения о героической гибели в окружении врагов и вместе с ними, о десятках воздушных таранов (ни один не был совершен противником). Прямо к самоотверженной смерти военнослужащих политработники не призывали, но любой военнослужащий знал об участии семей «дезертиров». Приказ № 270 от 16 августа 1941 г. «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» предписывал в отношении попавших в плен: «Уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными. А семьи попавших в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Сотням тысяч раненых и попавшим в окружение фактически этим приказом было предписано истратить последнюю пулю на себя (Любов и Зотов, 2017, с. 26). Отмеченные нами идеологические факторы крайне затрудняют прояснение истинной мотивации и детерминации героических самоубийств на поле брани; наряду с проявлениями беспримерного мужества и героизма, выбор гибели в бою мог быть продиктован личными мотивами (длительная разлука с близкими, горе утраты, супружеская измена и т. д.) или, в ряде случаев, обуславливался тяжелым посттравматическим стрессовым расстройством, кумулятивной военной травмой, психическими нарушениями, вызванными контузией, увечьями и т. д. Однако в глазах общественности смерть за отечество независимо от ее побудительных причин представляла как подвиг, что могло служить достойной, пусть и посмертной, психологической компенсацией выпавших на долю погибшего страданий.

Во время краха и распада Советского Союза наблюдался рост суицидов второго (аномического) типа: конец великого утопического проекта был для многих внезапным и переживался, как глобальная аномия, разложение всей ценностно-нормативной системы, поддержанное на уровне государственной политики. Ярким примером такого аномического суицида стал уход из жизни известной поэтессы Юлии Друниной. В юности она прошла войну, неоднократно проявив героическое мужество, а 21 ноября 1991 г. покончила с собой, будучи не в силах пережить крушение общественных идеалов, служению которым посвятила свою жизнь. В заключительных строках ее

последнего стихотворения, объясняя, почему она выбрала смерть, Друнина писала: «Как летит под откос Россия,/ Не могу, не хочу смотреть!» (Друнина, 1997). Очевидно, что в обоих случаях ценности коллективной жизни превосходят ценность жизни индивидуальной, которая либо осмысленно приносится в жертву, либо уничтожается, поскольку теряет всякий смысл вне привычного для личности социального и культурного контекста, без чувства общности, сопричастности с происходящим в родной стране и с другими людьми, в ситуации ценностно-смыслового вакуума.

Уровень самоубийств в России возрос во второй половине XX в. с изменением способов их осуществления и появлением новых групп населения, наиболее подверженных суицидальным тенденциям. Рост самоубийств в постсоветской России на рубеже веков традиционно объясняется таким патогенным фактором, как хронический «стресс социальных изменений» (Богданов, 2011, с. 149). В 1990-е гг. издержки рыночных реформ и связанные с ними аномические потрясения затронули практически все слои населения; в частности, в группе повышенного суицидального риска оказались мужчины предпенсионного возраста, остро переживавшие крах социально-политической системы и резкое падение доходов (Богданов, 2011, с. 151). В современной России группы с высоким риском самоубийств типологически сходны с группами высокого риска в других странах; это молодежь из незащищенных слоев населения и люди, живущие в экономически депрессивных районах (Slobodslaya & Semenova, 2016). Еще ожидается кропотливое исследование в качестве самостоятельного фактора суицидального поведения включенность суицидента в глобальное информационное сообщество (Интернет), которой может объясняться эффект унификации и сглаживания культурно-специфичных различий.

Уникальные социокультурные аспекты самоубийств в Японии (Kitanaka, 2008) также заслуживают отдельного обсуждения. Уровень самоубийств в Японии на 100 000 человек (18,9 % в 2015 г.) намного выше, чем, например, в Соединенных Штатах (12,4 % в 2014 г.) (https://www.npa.go.jp/safetylife/seianki/jisatsu/H27/H27_jisatunoujouyou_01.pdf). При совершении самоубийств в Японии также используются методы и стратегии, отличные от тех, которые используются в США. Поскольку граждане Японии не имеют права владеть огнестрельным оружием, наиболее распространенными способами самоубийства являются прыжки на рельсы перед приближающимся поездом, отравление газом и лекарственная передозировка (Kitanaka, 2008). В японской культуре укоренен сравнительно позитивный взгляд на самоубийство. Как правило, суицид здесь гораздо более приемлем, чем, скажем, в США. В некоторых ситуациях, в определенных слоях населения суицид может быть даже социально «предписан» (Kitanaka, 2008; Malmin, 2013; Picone, 2012). В средневековой Японии воины-самураи вспарывали себе живот, следуя ритуалу сэппуку (или харакири), чтобы избежать передачи информации противнику и умереть, сохранив преданность своему военачальнику. Даже враги понимали и сочувственно воспринимали необходимость самураев сохранять лицо и уважали ритуал харакири.

В Японии самоубийство считается морально-ответственным поступком, т. е. способом взять на себя ответственность за то, что человек и общество воспринимают как неудачи и проблемы, вызванные этими неудачами. Например, человек, который терпит неудачу в бизнесе и приносит своей компании и семье большие убытки, может чувствовать себя достаточно виноватым, чтобы без колебаний выбрать смерть (Kitanaka, 2008). Министр сельского хозяйства Японии Тошикацу Мацуока, который повесился в 2005 г., оставил восемь записок о том, что он взял на себя ответственность и за свои проблемы и неудачи, и за все неудобства, причиненные, по его мнению, этими проблемами другим людям и обществу (<https://slate.com/news-and-politics/2007/05/why-are-there-so-many-suicides-in-japan.html>). Высокий уровень самоубийств в Японии должен рассматриваться в свете распространенной в этой стране тенденции, характеризующейся внешним локусом контроля и внутренним локусом ответственности (EC-IR). Испытывая трудности, японцы часто говорят *shōganai*, что означает: ситуация не может быть изменена или находится вне их контроля. Это признание внешнего контроля сопровождается глубоким чувством внутренней личной ответственности за конкретные плачевные последствия собственной беспомощности и неуспешности. Такое отношение требует внутренней силы и решимости перед лицом неконтролируемых ситуаций и часто приводит к самоубийству как способу принять ответственность за предполагаемые неудачи. Принятие ответственности и действия на основании принятой ответственности (в форме сэппуку или его современного эквивалента) воспринимаются как способ избежать позора. Интересно, что подобное явление встречается в других культурах, никак не связанных с Японией. В одном из африканских языков (Atilola & Ayinde, 2015) нет единого слова для обозначения самоубийства. Однако фраза, используемая для описания суицидального поведения, буквально переводится как «он (она) действовал(а) как мужчина»; это отражает «мужской этос», следуя которому, человек должен быть достаточно мужественным, чтобы принять смерть, а не стыд, бесчестие и унижение (Atilola & Ayinde, 2015, с. 410). В таком социокультурном контексте суицид расценивается, как способ сохранить лицо, чувство собственного достоинства, репутацию, уважение и самоуважение в ситуации, которая не может быть изменена к лучшему.

В США суицидальные мысли, намерения и попытки самоубийства чаще наблюдаются среди подростков-латиноамериканцев (Oquendo et al., 2005) и американских индейцев (Barlow et al., 2010; Chiurliza et al., 2016); молодых афроамериканских мужчин, проживающих в городах (Wadsworth et al., 2014; Wang et al., 2013); пожилых вдовцов-протестантов (Bluvshstein et al., 2019); военнослужащих, проходящих срочную воинскую службу (Jobes, 2013);

иммигрантов из районов с высоким уровнем насилия (Bluvshstein et al., 2019), а также студентов колледжей (Saito et al., 2013; Silva et al., 2015; Wang et al., 2013). Самые высокие показатели суицидальных попыток зарегистрированы в молодежной среде. По данным Центра по контролю и профилактике заболеваний (CDC), молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет совершают от 100 до 200 суицидальных попыток на каждое совершенное самоубийство (<https://web.archive.org/web/20190326131411/https://www.cdc.gov/violenceprevention/suicide/fastfact.html>). У женщин, как правило, более высокие показатели суицидальных мыслей и суицидальных попыток, но более низкие показатели завершённых самоубийств (<http://www.apa.org/news/press/releases/2010/08/suicidal-behavior-patterns.aspx> on November 26). К этой статистике следует подходить с осторожностью. Недооценка и неправильное толкование особенно распространены в статистическом анализе самоубийств среди расовых меньшинств и людей с низким социально-экономическим статусом (Karusta et al., 2011; Rockett et al., 2010). Самоубийства, совершаемые афроамериканской и латиноамериканской молодежью, не всегда могут рассматриваться как собственно самоубийства, особенно убийства-самоубийства (в частности, случаи доведения до суицида), самоубийства, совершаемые жертвами насилия, и самоубийства в тюремной системе (Borum, 2014; Slade & Edelman, 2014).

Как отмечает М. Блувштейн (и соавт.), относительно низкий по сравнению с другими группами меньшинств уровень суицидальных проявлений среди афроамериканцев в США может показаться удивительным (Bluvshstein & Filatov, 2019). Афроамериканцы (особенно потомки рабов) являются одной из самых обособленных культурных групп в Соединенных Штатах. «Когда афроамериканцы не используются как фон для политических митингов или в качестве благоприятных статистических данных о демографическом составе сотрудников какой-либо организации, к ним часто относятся бесчеловечно, их презирают и подсознательно боятся. В средствах массовой информации они изображаются неуправляемыми и требующими реабилитации» (Bluvshstein & Filatov, 2019, p. 4). Между тем, система уголовного правосудия, по мнению ряда экспертов, не достигла большого успеха в решении проблемы чрезмерной представленности афроамериканцев в тюремном населении и собственной неподготовленности к работе с этим контингентом (McCarter, 2009; Richardson et al., 2013). Среди всех расовых и этнических групп в США афроамериканцы меньше, чем кто бы то ни было, имеют доступ к основным жизненным благам и ресурсам. С учётом всего этого, а также персональных стрессов, казалось бы, афроамериканцы должны демонстрировать один из самых высоких показателей самоубийств среди дискриминируемых групп населения. Однако имеющиеся статистические данные говорят нам об обратном (Borum, 2014). Рассмотрим возможные причины этого.

Афроамериканцы редко обсуждают суицидальные мысли или даже суицидальное поведение с индивидуальной точки зрения, но сообщество в целом демонстрирует аспекты так называемого *культурального самоубийства* и «культурально-суицидальное поведение». Культуральное самоубийство – это глубоко укоренившаяся ненависть к собственной культурной идентичности, которая ведет к преднамеренному самоуничтожению, уничтожению самобытности в себе и в представителях собственной культуры. Такое самоуничтожение очевидно и в информационных процессах, и в поведении по отношению к представителям собственной культуры. «Культурная самобытность жителей Африки, которые были похищены и отправлены в рабство столетия назад, преднамеренно уничтожалась людьми, поработившими их. Первоначальная африканская человеческая самобытность (и культурная идентичность) была у них отобрана, а взамен их вынудили принять в качестве своей новой идентичности американскую шелуху. Однако им не просто не понравилось это приобретение; они возненавидели его» (Bluvshstein & Filatov, 2019, p. 4).

Обесценивание жизни чернокожего самими афроамериканцами можно проследить вплоть до известного исследования «Тест на куклы», проведенного Кеннетом и Мейми Кларк в 1954 г. во время слушания Верховным судом дела «Браун против Совета по образованию» (Brown v. Board of Education). Этот эксперимент, неоднократно повторенный за последние 60 с лишним лет, отражает крайне низкую оценку жизни афроамериканца (чернокожего) самими афроамериканцами (в данном случае, чернокожими детьми) (Zirkel, 2005). Криминальные преступления против афроамериканцев от рук самих афроамериканцев являются основной причиной смертей чернокожих в США; эта статистика еще более значима для чернокожих мужчин (U.S. Department of Justice (2007, August). Black victims of violent crimes. Bureau of Justice Statistics Special Report № NCJ 214258. <https://bjs.ojp.gov/content/pub/pdf/bvvc.pdf>). Многие фильмы конца 1970-х и вплоть до 1990-х гг. демонстрируют афроамериканцев сутенерами, наркоторговцами, гангстерами и убийцами, причём совершающими преступления в собственных общинах. Такие фильмы, как *New Jack City*, *Boyz-N-Da-Hood* и *Menace II Society* настолько поощряли преступления афроамериканцев против афроамериканцев же, что во многих штатах афроамериканцы совершали насильственные преступления или даже убивали других афроамериканцев на парковках вблизи кинотеатров сразу после просмотра этих фильмов. В широком социальном контексте и с культурно-исторической точки зрения, афроамериканская культура убивает себя путем возрастающей криминализации отношений между ее носителями. Афроамериканская культура гибнет от рук представителей этой самой культуры с каждым таким преступлением. Это и есть так называемое культуральное самоубийство (Bluvshstein & Filatov, 2019). На индивидуально-психологическом уровне стремление афроамериканца убить человека своей расы может быть истолковано, как стремление к превосходству: ведь исторически чернокожего раба мог убить только его хозяин, т. е. белокожий американец, человек неизмеримо бо-

лее высокого социального статуса, распоряжавшийся рабом как своей собственностью. Афроамериканец-убийца видит не в себе, но в себе подобном воплощение ненавистной культурной идентичности, которая ассоциируется с многовековым угнетением, рабством и чувством расовой неполноценности. Эта ненавистная идентичность и становится его жертвой, он же оказывается в более «завидном» доминантном положении агрессора, «господина», который волен и оставляет за собой право распоряжаться чужой жизнью.

Основные исследования самоубийств, главным образом, проводятся в странах, где наблюдается высокий уровень суицидальной активности, таких как Япония и Южная Корея (Flaskerud, 2014; Picone, 2012), а также в тех европейских странах, где рассматривается возможность легализации эвтаназии и так называемых «медицинских» самоубийств с помощью врача (Radbruch et al., 2016; Stolz et al., 2015). Отсутствие межкультурного и этического консенсуса по определению самоубийства наряду с «множеством способов, которыми суицидальное поведение воспринимается, маркируется и допускается» в разных культурах (Goldston et al., 2008, с. 16), представляют специфические проблемы для тех, кто пытается исследовать социокультурную детерминацию суицидального поведения и разработать культурно-ориентированные подходы к изучению самоубийств.

Культура, в широком смысле, включающем религию, полоролевую идентичность и национальную принадлежность, признается весомым фактором в большинстве современных исследований самоубийств. Обычно культурная принадлежность рассматривается как фактор риска, в силу наличия в конкретных культурах стереотипов и установок, объясняющих, оправдывающих и даже предписывающих суицидальное поведение. Например, в некоторых обществах самоубийство мужчин может рассматриваться как поведение более мужественное и потому менее девиантное, чем самоубийство женщин (<http://www.apa.org/news/press/releases/2010/08/suicidal-behavior-patterns.aspx> on November 26). Уровень самоубийств среди молодых американских индейцев часто объясняется их историческим и продолжающимся (хроническим) угнетением (Barlow et al., 2010), из-за чего воспринимается как закономерно высокий. В категорию повышенного суицидального риска попадают представители коренных народов Аляски и Латинской Америки (например, индейское племя гуарани-кайова в Бразилии), что связывается с культурно-историческими травмами, последствиями принудительной ассимиляции, разрушением традиций, сужением исторически сложившегося ареала, неприятием навязанной им «суррогатной» идентичности и т. д. (Дуткин, 2018, с. 66–67). В ряде стран, если стремление потенциального суицидента к самоопределению в своей культуре сталкивается с неискореняемыми проблемами выживания в ней, самоубийство воспринимается более терпимо, не осуждается, но вызывает понимание и эмпатию (Stack & Krosowa, 2016). Таким образом отсылка к культурной принадлежности суицидента как бы легализует и обосновывает его суицидальное поведение, как закономерное и ожидаемое.

Обсуждение результатов

Суицидальное поведение первоначально привлекало внимание главным образом философов и клиницистов, либо как экзистенциальная и этическая проблема, либо как одна из форм психопатологии. Со времени выхода монографии Э. Дюркгейма «Самоубийство» (1897) при освещении этой темы традиционно превалирует социологический подход. Заслуга Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2024) состояла в том, что он методом статистического анализа установил взаимосвязь между частотой суицидов и принадлежностью суицидентов к определенным религиозным сообществам (католики и протестанты). Впоследствии групповая принадлежность изучалась как фактор суицидального поведения в рамках социально-демографических, кросс-культурных и социально-психологических исследований.

Русский философ Н. А. Бердяев писал, что социологическая точка зрения, которая, основываясь на статистике, позволяет установить социальную закономерность и необходимость самоубийства, в корне ложна, так как она выявляет лишь внешнюю сторону явления, лишь результат незримых внутренних процессов и не проникает в глубину жизни (Бердяев, 1992, с. 99). Подход, у истоков которого стоял А. Адлер (Adler, 1921; Ansbacher & Ansbacher, 1964), позволяет исследовать роль групповой принадлежности в качестве предпосылки суицидального поведения на индивидуально-личностном уровне и перейти от обезличенных демографических данных к непосредственным переживаниям, отношениям и ценностно-смысловым конструктам конкретного суицидента.

Предложенное Адлером понятие «чувство общности и сопричастности» является емким и в то же время слишком размытым, требующим уточнений в каждом конкретном случае и в исторически сложившемся социокультурном контексте. Приведенные нами данные показывают, что суицидальное поведение далеко не всегда обусловлено, как полагал Адлер, недоразвитием этого чувства. Напротив, в ряде случаев как раз выраженность социальных интересов и глубокая вовлеченность в жизнь сообщества предрасполагают индивидуума к совершению самоубийства. Развитое чувство общности может включать в себя широкий спектр суицидогенных переживаний. На это указывают многочисленные исследования, проведенные в разных странах мира, в частности, в России, США и Японии, в конкретных социальных группах и культурных сообществах и в так называемые суицидогенные исторические периоды (Bluvshstein et al., 2019). Иными словами, самоубийство (и альтруистическое, и аномическое, и депрессивное) обуславливается как недостаточно развитым чувством общности и принадлежности, так и искаженно-гипертрофированным, которое оказывается аутодеструктивным при условии снижения у суицидента ценности собственной личности и индивидуальной жизни.

На одном полюсе суицидогенных аномалий чувства групповой принадлежности располагаются русские старообрядцы, совершавшие коллективные самоубийства в состоянии симбиотического слияния со своей общиной и растворения в ней (Любов и Зотов, 2017, Розанов, 2018); на другом – молодые афроамериканцы, которых к так наз. культуральному самоубийству подталкивает ненависть к своей расовой идентичности (Bluvshstein et al., 2019). Фактором суицидального поведения может выступать сложившееся в определенной культуре (например, Япония) (Kitanaka, 2008) или в определенный исторический период (например, Великая отечественная война) (Любов и Зотов, 2017) отношение общества к самоубийству, в особенности, совершаемому по альтруистическим и социально одобряемым мотивам. Индивидуум может выбрать суицид и как приемлемый в его культуре образец поведения в критической ситуации, и как индивидуальную аутодеструктивную реакцию на социокультурный кризис, аномию, девальвацию базовых ценностей его социальной группы. Причиной самоубийства часто оказывается невозможность полноценного самоопределения в собственной культурной среде (Stack & Krosowa, 2016), а также протест против ассимиляции и навязанной «суррогатной» идентичности (Дуткин, 2018).

Заключение. Анализ влияния принадлежности индивидуума к большой социальной группе или культурному сообществу на суицидальное поведение показал, что суицидальное поведение может наблюдаться как при высоком уровне развития чувства общности и групповой принадлежности, так и при дефиците этого чувства. При этом главными факторами в данном контексте выступают отношение суицидента к своей социальной группе и культурной идентичности, а также исторически сложившееся отношение общества к самоубийству, которое формируется в зависимости от культурных особенностей и значимых исторических событий. Одной из перспектив суицидологических исследований является выработка более дифференцированного междисциплинарного подхода, позволяющего обнаружить за безликими данными демографической статистики эти значимые вариации и нюансы.

Список литературы

- Аграновский, М. Л., Джураев, Н. Н., Усманова, М. Б., Бувабеков, О. С., и Аскарлова, К. И. (2020). Наследственная отягощённость и преморбидные характеристики личности пациентов с незавершенными суицидами. *Re-health journal*, 1(5), 41–46. <https://doi.org/10.24411/2181-0443/2020-10011>
- Акимов, В. В. (2010). Древнеегипетский «Разговор разочарованного со своим Ба» и библейская книга Екклесиаста. В *Труды Минской духовной академии*, 8 (С. 106–127). Жировичи.
- Бачериков, Н. Е., Михайлова, К. В., Гавенко, В. Л., Рак, С. Л., Самардакова, Г. А., Згонников, П. Т., Бачериков, А. Н., и Воронков, Г. Л. (1989). *Клиническая психиатрия*. Здоровья.
- Бердяев, Н. А. (1992). О самоубийстве (психологический этюд). *Психологический журнал*, 13(2), 96–107.
- Бехтерев, В. М. (1912). О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним. *Вестник знания*, 2, 131–141.
- Бехтерев, В. М. (1912). О причинах самоубийства и о возможной борьбе с ним. *Вестник знания*, 3, 253–264.
- Бимбинов, А. А. (2023). Уголовная ответственность за виртуальное «соучастие» в самоубийстве несовершеннолетних. *Суицидология*, 1, 154–168. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01\(50\)-154-168](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-154-168)
- Богданов, С. В. (2010) Самоубийства в СССР и США в 1920-е гг.: особенности национальных трагедий. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 1, 126–141.
- Богданов, С. В. (2011). Суицидальное поведение городских и сельских жителей России в условиях общественных трансформаций конца XX – начала XXI вв. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 3, 148–157.
- Букин, С. И. (2019). Территориальный уровень суицидальной активности. *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*, 17(1), 37–44. <https://doi.org/10.25298/2221-8785-2019-17-1-37-44>
- Гилинский, Я. И. (2021). Самоубийство как социальный феномен. *Социологический журнал*, 2, 39–48.
- Друнина, Ю. В. (1997). *Мир до невозможности запутан. Стихотворения и поэмы*. Русская книга.
- Дуткин, М. П. (2018). Этнокультуральные факторы суицидального поведения у коренных народов. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Акмосова*, 4(13), 64–75.
- Дюркгейм, Э. (2024). *Самоубийство. Социологический этюд*. Юрайт.
- Камю, А. (2011). *Миф о Сизифе*. АСТ.
- Кузина, И. Г., и Орлова, Н. А. (2015). Факторы суицидального поведения: теоретический аспект проблемы. *Вестник Бурятского государственного университета*, 14, 88–94.
- Кьеркегор, С. (2022). *Или – или*. АСТ.
- Латкина, Ю. В. (2019). *Суицид как кризис идентичности*. ООО «Издательские решения», Ridero.
- Любов, Е. Б., и Зотов, П. Б. (2017). К истории отношения общества к суициду. *Суицидология*, 8(4(29)), 9–30.
- Любов, Е. Б., и Зотов, П. Б. (2022). «Суицидальная болезнь» как психиатрический диагноз: научно-практическое обоснование. *Суицидология*, 13(4(49)), 91–112. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04\(49\)-91-112](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04(49)-91-112)
- Любов, Е. Б., и Чубина, С. А. (2016). Статистика суицидов в мире: корни и крона. *Социальная и клиническая психиатрия*, 26(2), 26–30.

- Меринов, А. В., Шишкова, И. М., Емец, Н. А., Новичкова, А. С., и Косырева, А. В. (2024). Суицид и психиатрия: суицидент скорее болен или скорее здоров. *Суицидология*, 15(1(54)), 105–142. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-01\(54\)-105-142](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-01(54)-105-142)
- Могильнер, М. (1999). Кровь на серебре века. В Мифология «подпольного человека». Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа (С. 93–165). Новое литературное обозрение.
- Науменко, О. Н., и Бортникова, Ю. А. (2021). Борьба религиозных миссионеров с суицидами коренных народов Севера в XVII – начале XX вв. (на материалах Ямала и Югры). *Суицидология*, 12(2(43)), 3–22. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02\(43\)-3-22](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-3-22)
- Николаев, Е. Л. (2015). Кризис и суицид: клинико-психологический анализ аутоагрессивного поведения. *Суицидология*, 6(3(20)), 54–60.
- Платон (2023). *Диалоги. Апология Сократа*. АСТ.
- Положий, Б. С. (2010). Интегративная модель суицидального поведения. *Российский психиатрический журнал*, 4, 55–62.
- Розанов, В. А., Караваева, Т. А., Васильева, А. В., и Радионов, Д. С. (2023). Суицидальное поведение в контексте посттравматического стрессового расстройства – психиатрические и психосоциальные аспекты. *Психиатрия*, 21(6), 58–74.
- Розанов, В. В. (2018). *В темных религиозных лучах. Свеча в храме*. Рипол-Классик.
- Руженков, В. А., Руженкова, В. В., и Боева, А. В. (2012). Концепции суицидального поведения. *Суицидология*, 3(4(9)), 52–60.
- Самохин, Д. В., Хритинин, Д. Ф., Зубарева, О. В., и Есин, А. В. (2015). Особенности формирования суицидального поведения у студентов. *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии*, 1, 3–11.
- Семенова, Н. Б. (2017). Распространенность и факторы риска самоубийств среди коренных народов: обзор зарубежной литературы. *Суицидология*, 8(1(26)), 17–39.
- Сороцкий, М. С. (2019). Суицидальные тенденции в русской культуре конца XIX века. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 4–1(32), 59–65. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-4-59-66>
- Тяжелникова, В. С. (1998). Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. *Отечественная история*, 6, 158–173.
- Хритинин, Д. Ф., Бунькова, К. М., Щукина, Е. П., и Самохин, Д. В. (2014). Клинические особенности суицидального поведения студентов медицинского ВУЗа. *Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии*, 1, 21–26.
- Хритинин, Д. Ф., Самохин, Д. В., и Гончарова, Е. М. (2015). Суицидальное поведение в структуре депрессивных расстройств у лиц молодого возраста. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 1(86), 9–15.
- Шелехов, И. Л., Каштанова, Т. В., Корнетов, А. Н., и Толстолес, Е. С. (2011). *Суицидология: учебное пособие*. Сибирский государственный медицинский университет.
- Эрикссон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис* (2-е изд.). Прогресс: Московский психолого-социальный институт.
- Akcaaya-Kalayci, T., Popow, C., Winkler, D., Bingöl, R. H., Demir, T., & Özlü, Z. (2015). The impact of migration and culture on suicide attempts of children and adolescents living in Istanbul. *International Journal of Psychiatry in Clinical Practice*, 19(1), 32–39. <https://doi.org/10.3109/13651501.2014.961929>
- Ansbacher, H. L. (1969). Suicide as communication: Adler's concept and current applications. *Journal of Individual Psychology*, 25(2), 174–180.
- Ansbacher, H. L. & Ansbacher, R. R. (1964). *The Individual Psychology of Alfred Adler: A systematic presentation in selection from his writings*. Harper Perennial.
- Adler, A. (2015). Drunkenness and suicide. *Journal of Individual Psychology*, 71(1), 4–13. <https://doi.org/10.1353/jip.2015.0003>
- Adler, A. (1921). *The Neurotic Constitution*. Moffat, Yard, and Company.
- Atilola, O., & Ayinde, O. (2015). The suicide of Sàngó through the prism of Integrated Motivational-Volitional model of suicide: implications for culturally sensitive public education among the Yorùbá. *Mental Health, Religion, & Culture*, 18(5), 408–417. <https://doi.org/10.1080/13674676.2015.1073706>
- Barlow, A., Mullany, B.C., Neault, N., Davis, Y., Billy, T., Hastings, R, Coho-Mescal, V., Lake, K., Powers, J., Clouse, E., Reid, R., & Walkup, J. T. (2010). Examining correlates of methamphetamine and other drugs use in pregnant American Indian Adolescents. *American Indian and Alaska Native Mental Health Research*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.5820/aian.1701.2010.1>
- Bluvshstein, M., Filatov, Ph., Kajino, M., & Jackson, A. (2019). Social interest as an antidote to suicide: the cross-cultural applicability of an Adlerian solution. *SHS Web of Conferences*, 70, 09002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197009002>
- Borum, V. (2014). African Americans' Perceived Sociocultural Determinants of Suicide: Afrocentric Implications for Public Health Inequalities. *Social Work in Public Health*, 29(7), 656–670. <https://doi.org/10.1080/19371918.2013.776339>
- Chiurliza, B., Michaels, M. S., & Joiner, T. E. (2016). Acquired capability for suicide among individuals with American Indian/Alaska Native backgrounds within the military. *The Journal of the National Center*, 23(4), 1–15. <https://doi.org/10.5820/aian.2304.2016.1>

- Dvoryanchikov, N., Bovina, I., Vikhrustuck, O., Berezina, E., Bannikov, G., & Konopleva, I. (2014). Self-murder and self-murderers in social representations of young Russians: An exploratory study. *Psichologija*, 50, 33–48. <https://doi.org/10.15388/Psichol.2014.50.4889>
- Flaskerud, J. H. (2014). Suicide Culture. *Issues in Mental Health Nursing*, 35(5), 403–405. <https://doi.org/10.3109/01612840.2013.840019>
- Friedman, P. (1967). *On Suicide, with particular reference to suicide among young students*. International Universities Press, Inc.
- Goldston, D. B., Molock, S. D., Whitbeck, L. B., Murakami, J. L., Zayas, L. H., & Hall, G. C. N. (2008). Cultural considerations in adolescent suicide prevention and psychosocial treatment. *American Psychologist*, 63(1), 14–31. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.1.14>
- Jobes, D. A. (2013). Reflections on suicide among soldiers. *Psychiatry: Interpersonal & Biological Processes*, 76(2), 126–131. <https://doi.org/10.1521/psyc.2013.76.2.126>
- Johnson-Migalski, L. (2011). A paradoxical strategy for suicidal clients: A more useful form of revenge. *The Journal of Individual Psychology*, 67(1), 31–40.
- Jukkala, T., Stickley, A., Makinen, I. H., Baburin, A., & Sparen, P. (2017). Age, period and cohort effects on suicide mortality in Russia, 1956–2005. *BMC Public Health*, 17, 235. <https://doi.org/10.1186/s12889-017-4158-2>
- Kapusta, N. D., Tran, U. S., Rockett, I. R. H., De Leo, D., Naylor, C. P. E., Niederkrotenthaler, T., Voracek, M., Etzersdorfer, E., & Sonneck, G. (2011). Declining autopsy rates and suicide misclassification: A cross-national analysis of 35 countries. *Archives of General Psychiatry*, 68(10), 1050–1057. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.66>
- Kitanaka, J. (2008). Diagnosing suicides of resolve: Psychiatric practice in contemporary Japan. *Cultural Medical Psychiatry*, 32(2), 152–176. <https://doi.org/10.1007/s11013-008-9087-1>
- Lester, D. (2012). The cultural meaning of suicide: What does that mean? *Omega: Journal of Death and Dying*, 64(1), 83–94. <https://doi.org/10.2190/OM.64.1.f>
- Malmin, M. (2013). Warrior culture, spirituality, and prayer. *Journal of Religion & Health*, 52(3), 740–758. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9690-5>
- McCarter, S. A. (2009). Legal and extralegal factors affecting minority overrepresentation in Virginia's juvenile justice system: A mixed-method study. *Child & Adolescent Social Work Journal*, 26(6), 533–544. <https://doi.org/10.1007/s10560-009-0185-x>
- Oqundo, M. A., Dragatsi, D., Harkavy-Friedman, J., Dervic, K., Currier, D., Burke, A. K., Grunebaum, M. F., & Mann, J. J. (2005). Protective factors against suicidal behavior in Latinos. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 193(7), 438–443. <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000168262.06163.31>
- Picone, M. (2012). Suicide and the afterlife: Popular religion and the standardization of 'culture' in Japan. *Culture, Medicine & Psychiatry*, 36(2), 391–408. <https://doi.org/10.1007/s11013-012-9261-3>
- Radbruch, L., Leget, C., Bahr, P., Müller-Busch, C., Ellershaw, J., de Conno, F., & Vanden Berghe, P. (2016). Euthanasia and physician-assisted suicide: A white paper from the European Association for Palliative Care. *Palliative Medicine*, 30(2), 104–116. <https://doi.org/10.1177/0269216315616524>
- Richardson, J. B. Jr., Brown, J., & Van Brakle, M. (2013). Pathways to early violent death: The voices of serious violent youth offenders. *American Journal of Public Health*, 103(7), e5–e16. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2012.301160>
- Rockett, I. R. H., Wang, S., W, Stack, S., De Leo, D., Frost, J. L., Ducatman, A. M., Walker, R. L., & Kapusta, N. D. (2010). Race/ethnicity and potential suicide misclassification: window on a minority suicide paradox? *BMC Psychiatry*, 10, 35. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-10-35>
- Saito, M., Klibert, J., & Langhinrichsen-Rohling, J. (2013). Suicide Proneness in American and Japanese College Students: Associations with Suicide Acceptability and Emotional Expressivity. *Death Studies*, 37(9), 848–865. <https://doi.org/10.1080/07481187.2012.699910>
- Silva, C., Chu, C., Monahan, K. R., & Joiner, T. E. (2015). Suicide risk among sexual minority college students: A mediated moderation model of sex and perceived burdensomeness. *Psychology of Sexual Orientation and Gender Diversity*, 2(1), 22–33. <https://doi.org/10.1037/sgd0000086>
- Slade, K., & Edelman, R. C. (2014). Can theory predict the process of suicide on entry to prison? Predicting dynamic risk factors for suicide ideation in a high-risk prison population. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 35(2), 82–89. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000236>
- Slobodslaya, H., & Semenova, N. (2016). Child and adolescent mental health problems in Tyva Republic, Russia, as possible risk factors for a high suicide rate. *European Child and Adolescent Psychiatry*, 25(4), 361–371. <https://doi.org/10.1007/s00787-015-0743-z>
- Stack, S. & Krosowa, A. J. (2016). Culture and suicide acceptability: A cross-national, multilevel analysis. *Sociological Quarterly*, 57(2), 282–303. <https://doi.org/10.1111/tsq.12109>
- Stolz, E., Burkert, N., Großschädl, F., Rásky, É., Stronegger, W. J., & Freidl, W. (2015). Determinants of public attitudes towards euthanasia in adults and physician-assisted death in neonates in Austria: A national survey. *PLoS ONE*, 10(4), e0124320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0124320>

- Wadsworth, T., Kubrin, C., & Herting, J. (2014). Investigating the rise (and fall) of young Black male suicide in the United States, 1982-2001. *Journal of African American Studies*, 18(1), 72–91. <https://doi.org/10.1007/s12111-013-9256-3>
- Wang, M.-C., Lightsey, O. R. Jr., & Tran, K. K. (2013). Examining suicide protective factors among Black college students. *Death Studies*, 37(3), 228–247. <https://doi.org/10.15226/2471-6529/3/2/00130>
- Wittouck, C., Van Autreve, S., Portzky, G., & van Heeringen, K. (2014). A CBT-based psychoeducational intervention for suicide survivors: a cluster randomized controlled study. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 35(3), 193–201. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000252>
- Zirkel, S. (2005). Ongoing Issues of Racial and Ethnic Stigma in Education 50 Years after Brown v. Board. *Urban Review*, 37(2), 107–126. <https://doi.org/10.1007/s11256-005-0004-4>

References

- Akkaya-Kalayci, T., Popow, C., Winkler, D., Bingöl, R. H., Demir, T., & Özlü, Z. (2015). The impact of migration and culture on suicide attempts of children and adolescents living in Istanbul. *International Journal of Psychiatry in Clinical Practice*, 19(1), 32–39. <https://doi.org/10.3109/13651501.2014.961929>
- Ansbacher, H. L. (1969). Suicide as communication: Adler's concept and current applications. *Journal of Individual Psychology*, 25(2), 174–180.
- Ansbacher, H. L. & Ansbacher, R. R. (1964). *The Individual Psychology of Alfred Adler: A systematic presentation in selection from his writings*. Harper Perennial.
- Adler, A. (2015). Drunkenness and suicide. *Journal of Individual Psychology*, 71(1), 4–13. <https://doi.org/10.1353/jip.2015.0003>
- Adler, A. (1921). *The Neurotic Constitution*. Moffat, Yard, and Company.
- Atilola, O., & Ayinde, O. (2015). The suicide of Şangó through the prism of Integrated Motivational-Volitional model of suicide: implications for culturally sensitive public education among the Yorùbá. *Mental Health, Religion, & Culture*, 18(5), 408–417. <https://doi.org/10.1080/13674676.2015.1073706>
- Agranovsky, M. L., Dzhuraev, N. N., Usmanova, M. B., Buvabekov, O. S., & Askarova, K. I. (2020). Heredity and premorbid personality characteristics of patients with incomplete suicides. *Re-health journal*, 1(5), 41–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2181-0443/2020-10011>
- Akimov, V. V. (2010). The Ancient Egyptian “Dispute between a man and his Ba” and the Biblical Book of Ecclesiastes. In *Proceedings of the Minsk Theological Academy*, 8 (pp. 106–127). Zhirovichi. (In Russ.)
- Bacherikov, N. E., Mikhailova, K. V., Gavenko, V. L., Rak, S. L., Samardakova, G. A., Zgonnikov, P. T., Bacherikov, A. N., & Voronkov, G. L. (1989). *Clinical psychiatry*. Zdorovya. (In Russ.)
- Berdyaev, N. A. (1992). On suicide (psychological sketch). *Psychological Journal*, 13(2), 96–107. (In Russ.)
- Bekhterev, V. M. (1912). On the causes of suicide and on the possible struggle against it. *Vestnik of Znaniya*, 2, 131–141. (In Russ.)
- Bekhterev, V. M. (1912). On the causes of suicide and on the possible struggle against it. *Vestnik of Znaniya*, 3, 253–264. (In Russ.)
- Bimbinov, A. A. (2023). Criminal liability for virtual “comparticipation” in the suicide of minors. *Suicidology*, 1, 154–168. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01\(50\)-154-168](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-154-168) (In Russ.)
- Bogdanov, S. V. (2010) Suicides in the USSR and the USA in the 1920s: peculiarities of national tragedies. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 1, 126–141. (In Russ.)
- Bogdanov, S. V. (2011). Suicidal behavior of urban and rural residents of Russia in the conditions of social transformations of the end of XX – beginning of XXI centuries. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 3, 148–157. (In Russ.)
- Bukin, S. I. (2019). Territorial level of suicidal activity. *Journal of the Grodno State Medical University*, 17(1), 37–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.25298/2221-8785-2019-17-1-37-44>
- Barlow, A., Mullany, B.C., Neault, N., Davis, Y., Billy, T., Hastings, R, Coho-Mescal, V., Lake, K., Powers, J., Clouse, E., Reid, R., & Walkup, J. T. (2010). Examining correlates of methamphetamine and other drugs use in pregnant American Indian Adolescents. *American Indian and Alaska Native Mental Health Research*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.5820/aian.1701.2010.1>
- Bluvshstein, M., Filatov, Ph., Kajino, M., & Jackson, A. (2019). Social interest as an antidote to suicide: the cross-cultural applicability of an Adlerian solution. *SHS Web of Conferences*, 70, 09002. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197009002>
- Borum, V. (2014). African Americans' Perceived Sociocultural Determinants of Suicide: Afrocentric Implications for Public Health Inequalities. *Social Work in Public Health*, 29(7), 656–670. <https://doi.org/10.1080/19371918.2013.776339>
- Camus, A. (2011). *The Myth of Sisyphus*. AST. (In Russ.)
- Chiurliza, B., Michaels, M. S., & Joiner, T. E. (2016). Acquired capability for suicide among individuals with American Indian/Alaska Native backgrounds within the military. *The Journal of the National Center*, 23(4), 1–15. <https://doi.org/10.5820/aian.2304.2016.1>

- Dvoryanchikov, N., Bovina, I., Vikhrstuck, O., Berezina, E., Bannikov, G., & Konopleva, I. (2014). Self-murder and self-murderers in social representations of young Russians: An exploratory study. *Psichologija*, 50, 33–48. <https://doi.org/10.15388/Psichol.2014.50.4889>
- Drunina, Y. V. (1997). *The world is impossibly confused. Poems and poems*. Russian Book. (In Russ.)
- Dutkin, M. P. (2018). Ethnocultural factors of suicidal behavior in indigenous peoples. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 4(13), 64–75. (In Russ.)
- Durkheim, E. (2024). *Suicide. A sociological study*. Yurait. (In Russ.)
- Erikson, E. (2006). *Identity: Adolescence and Crisis* (2nd ed.). Progress: Moscow Psychological and Social Institute. (In Russ.)
- Flaskerud, J. H. (2014). Suicide Culture. *Issues in Mental Health Nursing*, 35(5), 403–405. <https://doi.org/10.3109/01612840.2013.840019>
- Friedman, P. (1967). *On Suicide, with particular reference to suicide among young students*. International Universities Press, Inc.
- Goldston, D. B., Molock, S. D., Whitbeck, L. B., Murakami, J. L., Zayas, L. H., & Hall, G. C. N. (2008). Cultural considerations in adolescent suicide prevention and psychosocial treatment. *American Psychologist*, 63(1), 14–31. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.63.1.14>
- Gilinsky, Y. I. (2021). Suicide as a social phenomenon. *Journal of Sociology*, 2, 39–48. (In Russ.)
- Hritinin, D. F., Bun'kova, K. M., Shchukina, E. P., & Samokhin, D. V. (2014). Clinical features of suicidal behavior of medical university students. *Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 1, 21–26. (In Russ.)
- Hritinin, D. F., Samokhin, D. V., & Goncharova, E. M. (2015). Suicidal behavior in the structure of depressive disorders in persons of young age. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 1(86), 9–15. (In Russ.)
- Jobs, D. A. (2013). Reflections on suicide among soldiers. *Psychiatry: Interpersonal & Biological Processes*, 76(2), 126–131. <https://doi.org/10.1521/psyc.2013.76.2.126>
- Johnson-Migalski, L. (2011). A paradoxical strategy for suicidal clients: A more useful form of revenge. *The Journal of Individual Psychology*, 67(1), 31–40.
- Jukkala, T., Stickley, A., Makinen, I. H., Baburin, A., & Sparen, P. (2017). Age, period and cohort effects on suicide mortality in Russia, 1956–2005. *BMC Public Health*, 17, 235. <https://doi.org/10.1186/s12889-017-4158-2>
- Kapusta, N. D., Tran, U. S., Rockett, I. R. H., De Leo, D., Naylor, C. P. E., Niederkrotenthaler, T., Voracek, M., Etzersdorfer, E., & Sonneck, G. (2011). Declining autopsy rates and suicide misclassification: A cross-national analysis of 35 countries. *Archives of General Psychiatry*, 68(10), 1050–1057. <https://doi.org/10.1001/archgenpsychiatry.2011.66>
- Kitanaka, J. (2008). Diagnosing suicides of resolve: Psychiatric practice in contemporary Japan. *Cultural Medical Psychiatry*, 32(2), 152–176. <https://doi.org/10.1007/s11013-008-9087-1>
- Kuzina, I. G., & Orlova, N. A. (2015). Factors of suicidal behavior: theoretical aspect of the problem. *The Buryat State University Bulletin*, 14, 88–94. (In Russ.)
- Kierkegaard, S. (2022). *Either-or*. AST. (In Russ.)
- Lester, D. (2012). The cultural meaning of suicide: What does that mean? *Omega: Journal of Death and Dying*, 64(1), 83–94. <https://doi.org/10.2190/OM.64.1.f>
- Latkina, Y. V. (2019). *Suicide as an identity crisis*. Publishing Solutions LLC, Ridero. (In Russ.)
- Lubov, E. B., & Zotov, P. B. (2017). Toward a history of society's attitudes toward suicide. *Suicidology*, 8(4(29)), 9–30. (In Russ.)
- Lubov, E. B., & Zotov, P. B. (2022). "Suicidal illness" as a psychiatric diagnosis: scientific and practical rationale. *Suicidology*, 13(4(49)), 91–112. (In Russ.) [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04\(49\)-91-112](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04(49)-91-112)
- Lyubov, E. B., & Chubina, S. A. (2016). Suicide statistics in the world: roots and crown. *Social and Clinical Psychiatry*, 26(2), 26–30. (In Russ.)
- Merinov, A. V., Shishkova, I. M., Emets, N. A., Novichkova, A. S., & Kosyreva, A. V. (2024). Suicide and psychiatry: the suicidal person is rather sick or rather healthy. *Suicidology*, 15(1(54)), 105–142. (In Russ.) [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-01\(54\)-105-142](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-01(54)-105-142)
- Mogilner, M. (1999). Blood on the silver of age. In *Mythology of the "underground man". Radical microcosm in early twentieth-century Russia as a subject of semiotic analysis* (P. 93–165). New Literary Review. (In Russ.)
- Malmin, M. (2013). Warrior culture, spirituality, and prayer. *Journal of Religion & Health*, 52(3), 740–758. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9690-5>
- McCarter, S. A. (2009). Legal and extralegal factors affecting minority overrepresentation in Virginia's juvenile justice system: A mixed-method study. *Child & Adolescent Social Work Journal*, 26(6), 533–544. <https://doi.org/10.1007/s10560-009-0185-x>
- Naumenko, O. N., & Bortnikova, Y. A. (2021). The struggle of religious missionaries with suicides of indigenous peoples of the North in the 17th – early 20th centuries (on the materials of Yamal and Yugra). *Suicidology*, 12(2(43)), 3–22. (In Russ.) [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02\(43\)-3-22](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-02(43)-3-22)
- Nikolaev, E. L. (2015). Crisis and suicide: a clinical and psychological analysis of autoaggressive behavior. *Suicidology*, 6(3(20)), 54–60. (In Russ.)

- Oquendo, M. A., Dragatsi, D., Harkavy-Friedman, J., Dervic, K., Currier, D., Burke, A. K., Grunebaum, M. F., & Mann, J. J. (2005). Protective factors against suicidal behavior in Latinos. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 193(7), 438–443. <https://doi.org/10.1097/01.nmd.0000168262.06163.31>
- Picone, M. (2012). Suicide and the afterlife: Popular religion and the standardization of ‘culture’ in Japan. *Culture, Medicine & Psychiatry*, 36(2), 391–408. <https://doi.org/10.1007/s11013-012-9261-3>
- Plato (2023). *Dialogues. Apologia of Socrates*. AST. (In Russ.)
- Polozhij, B. S. (2010). Integrative model of suicidal behavior. *Russian Psychiatric Journal*, 4, 55–62. (In Russ.)
- Radbruch, L., Leget, C., Bahr, P., Müller-Busch, C., Ellershaw, J., de Conno, F., & Vanden Berghe, P. (2016). Euthanasia and physician-assisted suicide: A white paper from the European Association for Palliative Care. *Palliative Medicine*, 30(2), 104–116. <https://doi.org/10.1177/0269216315616524>
- Richardson, J. B. Jr., Brown, J., & Van Brakle, M. (2013). Pathways to early violent death: The voices of serious violent youth offenders. *American Journal of Public Health*, 103(7), e5–e16. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2012.301160>
- Rockett, I. R. H., Wang, S., W, Stack, S., De Leo, D., Frost, J. L., Ducatman, A. M., Walker, R. L., & Kapusta, N. D. (2010). Race/ethnicity and potential suicide misclassification: window on a minority suicide paradox? *BMC Psychiatry*, 10, 35. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-10-35>
- Rozanov, V. A., Karavaeva, T. A., Vasilieva, A. V., & Radionov, D. S. (2023). Suicidal behavior in the context of posttraumatic stress disorder – psychiatric and psychosocial aspects. *Psychiatry*, 21(6), 58–74. (In Russ.)
- Rozanov, V. V. (2018). *In dark religious rays. A candle in the temple*. Ripol-Classic. (In Russ.)
- Rouzhenkov, V. A., Rouzhenkova, V. V., & Boeva, A. V. (2012). Concepts of suicidal behavior. *Suicidology*, 3(4(9)), 52–60. (In Russ.)
- Samokhin, D. V., Hritinin, D. F., Zubareva, O. V., & Esin, A. V. (2015). Features of suicidal behavior formation in students. *Bulletin of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 1, 3–11. (In Russ.)
- Semenova, N. B. (2017). Prevalence and risk factors of suicide among indigenous peoples: a review of foreign literature. *Suicidology*, 8(1(26)), 17–39. (In Russ.)
- Sorotsky, M. S. (2019). Suicidal tendencies in Russian culture of the late 19th century. *Humanitarian Vedomosti TSPU named after L. N. Tolstoy*, 4–1(32), 59–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-4-59-66>
- Saito, M., Klibert, J., & Langhinrichsen-Rohling, J. (2013). Suicide Proneness in American and Japanese College Students: Associations with Suicide Acceptability and Emotional Expressivity. *Death Studies*, 37(9), 848–865. <https://doi.org/10.1080/07481187.2012.699910>
- Shelekhov, I. L., Kashtanova, T. V., Kornetov, A. N., & Tolstoles, E. S. (2011). *Suicidology: textbook*. Siberian State Medical University. (In Russ.)
- Silva, C., Chu, C., Monahan, K. R., & Joiner, T. E. (2015). Suicide risk among sexual minority college students: A mediated moderation model of sex and perceived burdensomeness. *Psychology of Sexual Orientation and Gender Diversity*, 2(1), 22–33. <https://doi.org/10.1037/sgd0000086>
- Slade, K., & Edelman, R. C. (2014). Can theory predict the process of suicide on entry to prison? Predicting dynamic risk factors for suicide ideation in a high-risk prison population. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 35(2), 82–89. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000236>
- Slobodslaya, H., & Semenova, N. (2016). Child and adolescent mental health problems in Tyva Republic, Russia, as possible risk factors for a high suicide rate. *European Child and Adolescent Psychiatry*, 25(4), 361–371. <https://doi.org/10.1007/s00787-015-0743-z>
- Stack, S. & Krosowa, A. J. (2016). Culture and suicide acceptability: A cross-national, multilevel analysis. *Sociological Quarterly*, 57(2), 282–303. <https://doi.org/10.1111/tsq.12109>
- Stolz, E., Burkert, N., Großschädl, F., Rásky, É., Stronegger, W. J., & Freidl, W. (2015). Determinants of public attitudes towards euthanasia in adults and physician-assisted death in neonates in Austria: A national survey. *PLoS ONE*, 10(4), e0124320. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0124320>
- Tyazhelnikova, V. S. (1998). Suicides of Communists in the 1920s. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 158–173. (In Russ.)
- Wadsworth, T., Kubrin, C., & Herting, J. (2014). Investigating the rise (and fall) of young Black male suicide in the United States, 1982–2001. *Journal of African American Studies*, 18(1), 72–91. <https://doi.org/10.1007/s12111-013-9256-3>
- Wang, M.-C., Lightsey, O. R. Jr., & Tran, K. K. (2013). Examining suicide protective factors among Black college students. *Death Studies*, 37(3), 228–247. <https://doi.org/10.15226/2471-6529/3/2/00130>
- Wittouck, C., Van Autreve, S., Portzky, G., & van Heeringen, K. (2014). A CBT-based psychoeducational intervention for suicide survivors: a cluster randomized controlled study. *Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 35(3), 193–201. <https://doi.org/10.1027/0227-5910/a000252>
- Zirkel, S. (2005). Ongoing Issues of Racial and Ethnic Stigma in Education 50 Years after Brown v. Board. *Urban Review*, 37(2), 107–126. <https://doi.org/10.1007/s11256-005-0004-4>

Об авторе:

Филипп Робертович Филатов, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология» факультета «Психология, педагогика, дефектология», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, ул. Гагарина, 1), [ORCID](#), filatov_filipp@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2024

Поступила после рецензирования 02.05.2024

Принята к публикации 03.05.2024

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Filipp Robertovich Filatov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of the General and Counseling Psychology Department, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), filatov_filipp@mail.ru

Received 21.03.2024

Revised 02.05.2024

Accepted 03.05.2024

Conflict of interest

The author does not have any conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.